

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕМЬИ: ОБЩЕНИЕ С ВНУКАМИ

Описываются особенности дискурсивного взаимодействия бабушек и внуков в пространстве семейной коммуникации. На основе использования приемов разговорного и интеракционного анализа видеозаписей общения представителей разных поколений двух семей делается вывод о противоречивом характере интенций коммуникантов и наличии специфических дискурсивных средств взаимодействия как у бабушек – игровая агрессия, меморатив, помощь при коммуникативной неудаче, так и внуков: например, коммуникативный саботаж.

Ключевые слова: семейный дискурс, дискурсивная интеракция, межпоколенная коммуникация, дискурсивные приемы, коммуникативный саботаж, невербальные средства коммуникации.

Известный философ Мераб Мамардашвили однажды сказал: «Не наш голый рассудок рождает мысль. Мы можем иметь ее лишь как событие, когда в движении завязываются нити того, что случается внезапно. Так же, как они завязываются и в случае понимания, которое невозможно передать, если вас уже не понимают. Поэтому говоримое нельзя передать никакими логическими средствами общения, так как вы не связаны с собеседником каким-то другим способом, для описания которого приходится применять другие понятия и опираться на иные представления» [1, с. 180].

Данная публикация посвящена выявлению специфики дискурсивного взаимодействия между бабушками и внуками. Предметом интереса являются вербальные и невербальные манифестации процесса создания когнитивных и социальных связей – тех самых «нитей», о которых говорит философ и которые обеспечивают взаимопонимание между представителями разных поколений одной семьи.

Семейный повседневный дискурс определяется как разновидность бытового неинституционального дискурса, функционирующая в пределах конкретной семьи [2]. Последняя является малой референтной группой, все участники которой связаны между собой коммуникативно и психологически, испытывая эмоциональное чувство принадлежности [3, с. 58].

Семейное общение не является лакунарной областью в коммуникативных науках и лингвистике. Так, изучаются практики материнского общения [4, 5], речевое воплощение роли отца в семье [6], аспекты межкультурной семейной коммуникации в смешанных браках [7]. Однако дискурсивные особенности взаимодействия бабушек с внуками в коммуникативном пространстве сибирской семьи еще не становились предметом лингвокоммуникативного описания.

Материалом для данной публикации послужили видеозаписи общения в двух диадах: бабушка А. И. (65 лет) и внук Артём (10 лет); бабушка В. Н. (71 год) и внук Игорь (6 лет). Общий объем про-

анализированных записей – 2 ч 12 мин звучания (1 ч 05 – 1 диада; 1 ч 07 – 2 диада). Видеозаписи сделаны в г. Новокузнецке Кемеровской области в домашней обстановке.

Для анализа материала используются приемы разговорного, интеракционного анализа дискурса, а также элементы когнитивного моделирования.

Дискурсивное взаимодействие в проанализированных диадах как на коммуникативном, так и на когнитивном уровне отличается сочетанием разнонаправленных, а зачастую и противоположных стратегий и интенций. Бабушки и внуки, с одной стороны, стремятся к продолжению коммуникации, поддержанию психологической эмпатии, контакта, а с другой – старшее поколение проявляет себя достаточно авторитарно, стремится к доминированию в коммуникации, а младшее – к сохранению своей независимости и права на самостоятельный выбор коммуникативной траектории. Те и другие реализуют свои интенции по-разному.

В обоих проанализированных случаях коммуникативная инициатива принадлежит исключительно бабушкам: они задают вопросы (примеры 1–2), поднимают новые темы (пример 2), возвращают к темам, не получившим должного осмысления (пример 3):

(1) А. И.: а вот ↑ это што такое ↓

(2) В. Н.: у тебя ↑ много ↓ игрушек новых ↑

(3) А. И.: ↑так я не ↓ поняла про ↑ палатку ↓

Присутствует в речи бабушек и прием игровой агрессии, когда агрессивное вербальное и невербальное поведение неожиданно, при помощи одного или нескольких «игровых» маркеров (резкий контраст между содержанием сообщения и интонацией или мимикой, его сопровождающей), переводится в плоскость «понарошку»: «я как бы строжусь, я как бы недовольна» – дает понять бабушка:

(4) А. И.: 1. а што ↑ это ↓ я нарисовала ↓ (смотрит пристально на внука, держит руку на рисунке, показывает пальцем)

Артём: 1. камень

А. И.: 2. нет ↓ а вот **это** ↑ вот это я **что** нарисовала как называется ↓

Артём: 2. окно

А.И.: 3. Вот это **все** ↓ окно **а вот** это **вот** маленькое что ↑ (хмурится, поджимает губы)

Артём: 3. Рама

А. И.: 4. рама ↑ это вот это все ↓ деревянное все ↓ деревянное (водит кисточкой по рисунку, не смотрит на внука) а вот **это** ↓ вот **э-это** ↓ что ↑ (резко поднимает глаза на внука)

...

А. И.: 5. (резко приближает лицо к внуку, смотрит в упор снизу вверх) (кричит) **ФОРТОЧКА** (вдруг улыбается) (хихикает)

Артём: 4. Ха-ха (искренне смеется)

А. И.: 6. ты знаешь што эт такое ↑

Артём: 5. да

А. И.: 7. в ваших окнах нет ↓ а у нас **есть** ↑

В данном фрагменте наблюдаются такие признаки агрессивного коммуникативного поведения, как повышение громкости голоса, появление раздраженного тона, мимика недовольства (поджала губы, нахмурилась), резкое сокращение личной дистанции, взгляд в упор, многочисленные повторы (*вот это, вот это*). Но при этом взгляд остается ласковым, а завершается интеракция искренним смехом.

Внуки Игорь и Артём, стремясь выстроить самостоятельную линию коммуникативного поведения, предпочитают приемы коммуникативного саботажа: часто отвечают невнятно или очень тихо на вопросы старших, пропускают коммуникативный ход, молчат в ответ.

(5) В. Н.: 1. а что любишь ↑ больше всего ↓

Игорь: (тихо) *бубуган*

В.Н.: а-А ↑

Игорь: (громче) бубуган

Часто уход от коммуникации выражается невербально: ребенок отворачивается, ложится на диван, начинает баловаться, отводит взгляд.

Однако при очевидной авторитарности бабушек и стремлении внуков отстоять свою коммуникативную независимость, а возможно, и навязать свои правила взаимодействия, обе стороны готовы к «коммуникативному ремонту» [8]. В случае риска прерывания коммуникации бабушки прибегают к эмпатическим репликам без конкретного адресата («в воздух») с дальнейшим запросом присоединения:

(6) А. И.: труды наши тяжкие ↓ да Артём ↑

Важную роль играет такое паравербальное «бабушкино» средство, как вздох: к нему прибегают, чтобы избежать коммуникативного разрыва в случае нескольких пропусков реплики со стороны внука или в ситуации затянувшегося молчания:

(7) А. И.: у тебя лиственный лес ↑ или ↑ ...хвойный ↓

Артём: ...

А. И.: (шепотом) громче / (почти кричит) **Я ЖЕ НЕ** ↑ **СЛЫШУ** ↓ / я же ↑ баушка ↓

Артём: ...

А. И.: (вздыхает) давненько мы с тобой не рисовали ↓ да ↑

Артём: ...

А. И.: (вздыхает, смотрит на рисующего внука)

Артём: да

Мальчики же чаще используют для предотвращения разрыва коммуникации невербальные средства, например, ловят взгляд бабушки и улыбаются.

Обратимся теперь к описанию когнитивно-дискурсивных механизмов взаимодействия. Здесь также можно наблюдать две разнонаправленные тенденции: бабушки, с одной стороны, стремятся создать некую модель мира, общую с внуками, которая была бы понятна обоим поколениям, используя стратегии когнитивной рекогносцировки и дополнения собственной модели мира, а с другой стороны, стремятся всячески подчеркнуть те различия, которые имеются в моделях мира двух поколений, а ргiогі принимая собственную за наиболее полную и прибегая к когнитивной коррекции модели мира внуков.

Стратегия когнитивной рекогносцировки преследует цель – диагностировать наличие отличий в моделях мира и установить какие-то общие «вехи». В примере 8 она реализуется на основе вопросов относительно будущей модели поведения в ситуации заучивания стихотворения (пример 8: *ну вот стихотворение будешь учить* ('как ты это будешь делать, если не понимаешь, о чем речь?')), толкования слова (пример 8 *што такое риск?*):

(прочитали стихотворение)

(8) А. И.: 1. вот так ↑ вот ↓ а што такое ↓ рисковый парень ↑ (оба откидываются назад, бабушка смотрит на внука, а он в потолок)

2. ну вот стихотворение будешь учить (смотрит вниз, делает движение кистью от себя) а што такое ↑ риск ↓

Артём: 1. (тихо) не зна-а-ю

В продолжении интеракции бабушка дает толкование слова сама, приступая к коррекции модели мира внука. В примере 4 для осуществления когнитивной рекогносцировки используется вопрос-загадка, касающийся узнавания референта (форточка). Выяснив, что внук знает, что это такое, бабушка, тем не менее, подчеркивает отличия в опыте при помощи противительной конструкции (*в ваших окнах нет, а у нас есть*).

Дополнение модели мира ребенка часто происходит с опорой на историю семьи посредством мемуаративов. В одной из секвенций бабушка спрашивает Артёма, почему у него на рисунке нет палатки. Внук говорит, что палатку сюда не довести, на что бабушка возражает: а лодка?

(9) А. И.: 1. а у нас есть байдарка (интонация интриги) (смотрит с прищуром, хитро) лодка такая она разбирается (показывает примерно ширину лодки руками) а потом когда на берег приезжают (указывает рукой на воображаемое место впереди себя) ее собирают (делает крутящее движение двумя руками) там каркас (показывает челночными движениями кистей рук, какой каркас) т-твой папа на ней плавал когда ему было 4 годика (смотрит хитро, внимательно, смеется).

Следует отметить, что по жестикеляции, невербальному сопровождению эта секвенция является самой богатой в часовой записи. Очевидно, момент дополнения модели мира младшего поколения в части истории семьи – это один из наиболее важных моментов дискурса.

Но можно наблюдать и обратные случаи, когда дополнению подвергается модель мира представительницы старшего поколения:

(10) В. Н.: 1. (удивленно) а чо эт такое ↑

Игорь: 1. (поворачивается лицом к бабушке, смотрит на нее) бубуган эттакие игрушки они форму... ну... (затрудняется, отворачивается)

В. Н.: 2. ты мне расскажешь покажешь ↑

Но, в отличие от бабушки, внук испытывает проблемы с вербализацией объяснения, избегает и невербальных средств, и бабушка приходит ему на помощь, сглаживая коммуникативную неудачу.

Таким образом, можно выделить основные моменты, обратившие на себя внимание при анализе данных дискурсивных взаимодействий бабушек с внуками:

1) оба коммуниканта в диадах заинтересованы в сохранении эмпатии в общении, в его продолжении, однако при этом наблюдается коммуникативная конкуренция: старшее поколение стремится сохранить роль доминирующего коммуниканта, лидера мнений, а младшие – сохранить свою независимость, прибегая к роли «ускользающего» коммуниканта;

2) организуя взаимодействие, старшее поколение одинаково успешно пользуется как вербальными, так и невербальными/паравербальными средствами, в то время как младшие предпочитают невербальные и просодические;

3) на когнитивном уровне взаимодействия участники диад стремятся к моделированию некой общей сферы взаимодействия, легко соглашаясь дополнить свою модель мира новыми знаниями и представлениями, однако при этом старшее поколение стремится сохранить демаркационную линию (*у нас – у вас*), а младшее испытывает трудности в вербализации своих знаний;

4) специфическими дискурсивными приемами бабушек являются мемуаратив, игровая агрессия и помощь при коммуникативной неудаче; специфическим дискурсивным приемом внуков является коммуникативный саботаж.

Несомненно, проблематика межпоколенного взаимодействия в рамках семейного общения является важной сферой дискурсивного анализа и требует дальнейшего, более подробного рассмотрения.

Список литературы

1. Мамардашвили М. Беседы о мышлении // Эстетика мышления. М.: Моск. школа полит. исследований, 2000. С. 5–205.
2. Звягинцева В. В. К вопросу об определении границ семейного дискурса в свете лингвопрагматической теории // Теория языка и межкультурная коммуникация: межвуз. сб. науч. трудов. № 1 (7). Курск: КГУ, 2009. С. 51–54.
3. Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998. 200 с.
4. Колмогорова А. В. «Мамин язык»: практики материнского общения в контексте распределенной модели языка и когниции. М.: Флинта-Наука, 2013. 168 с.
5. Колмогорова А. В. Эвристический потенциал видеокорпуса «Родная речь: практики материнского общения» для исследования концептуализации социальных эмоций в русском языковом сознании // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 2. С. 25–33.
6. Байкулова А. Н. Семейная коммуникация: роль отца и ее речевое воплощение // Известия ВГПУ. 2014. № 5. С. 29–31.
7. Леонтович О. А., Якушева Е. В. Понимание – начало согласия: межкультурная семейная коммуникация. М.: Гнозис, 2014. 224 с.
8. Schegloff E. Sequencing in Conversational Opening // American Anthropologist. 1968. Dec. LXX. № 6. P. 1075–1095.

Колмогорова А. В., доктор филологических наук, доцент.
Сибирский федеральный университет.
Пр. Свободный, 82а, Красноярск, Россия, 660041.
E-mail: nastiakol@mail.ru

Материал поступил в редакцию 08.12.2015.

A. V. Kolmogorova

CONNECTING DIFFERENT GENERATIONS IN FAMILY DISCOURSE: COMMUNICATION WITH GRANDCHILDREN

The article examines some peculiarities of grandmother-grandchild discursive interaction in family communication. Applying methodology of interactional and conversational analysis to the video data recordings of communicative interactions between different generations of two Russian families we argue that such interaction is governed by two contradictory intentions: to maintain the empathically warm communication and at the same time to protect the initial roles of dominant communicant (for grandmothers) or to fight for the status of independent communicant (for grandchildren). They both show some specific discursive devices: grandmothers' use of joke aggression, memorative (telling about past events), assistance in the case of communicative failure; communicative sabotage for grandchildren.

Key words: *family discourse, discourse interaction, communication between generations, discursive devices, «communicative sabotage», non-verbal communication.*

References

1. Mamardashvili M. *Besedy o myshlenii* [Reflexing about mind]. Estetika myshleniya [Aesthetics of thinking]. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 2000. Pp. 5–205 (in Russian).
2. Zvyagintseva V. V. K voprosu ob opredelenii granits semeynogo diskursa v svete lingvopragmaticheskoy teorii [About limits of family discourse in the light of lingvo-pragmatic theory]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: mezhvuz. sb. nauch. trudov* [The theory of language and intercultural communication: Intercollege collection of research papers]. Ed. T. Yu. Sazonova. No. 1 (7). Kursk, KGU Publ., 2009. Pp. 51–54 (in Russian).
3. Makarov M. L. *Interpretativnyy analiz diskursa v maloy gruppe* [Interpretative discourse analysis in small groups]. Tver', Tverskoy gos. un-t Publ., 1998. 200p. (in Russian).
4. Kolmogorova A. V. *"Mamin yazyk": praktiki materinskogo obshcheniya v kontekste raspredelonnoy modeli yazyka i kognitsii* [Practices of mother-child communication in the context of distributed cognition theory]. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 2013. 168. p (in Russian).
5. Kolmogorova A. V. Evristicheskiy potentsial videokorpusa «Rodnaya rech': praktiki materinskogo obshcheniya» dlya issledovaniya kontseptualizatsii sotsial'nykh emotsiy v russkom yazykovom soznanii [Heuristic potential of videocorpus "Native Speech: practices of mother-child communication" for investigating process of social emotions conceptualization in Russian linguistic conscience]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2014, no. 2, pp. 25–33 (in Russian).
6. Baykulova A. N. Semeynaya kommunikatsiya: rol' ottsa i eyo rechevoye voploshcheniye [Family communication: role of father and its verbalization]. *Izvestiya VGPU – VGPU Bulletin*, 2014, no. 5, pp. 29–31 (in Russian).
7. Leontovich O. A., Yakusheva E. V. *Ponimaniye – nachalo soglasiya: mezhkul'turnaya semeynaya kommunikatsiya* [Understanding as a beginning of concordance: cross-cultural family communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2014. 224 p. (in Russian).
8. Schegloff E. Sequencing in Conversational Opening. *American Anthropologist*, 1968, LXX, no. 6, pp. 1075–1095.

Kolmogorova A. V.
Siberian Federal University.
Pr. Svobodny, 82a, Krasnoyarsk, Russia, 660041.
E-mail: nastiakol@mail.ru